

— Ха-ха-ха-ха-ха, двое взрослых мужчин, немного обсудить тебе же на пользу, не нужно так сторониться, — Ван Шивэй похлопал Чу Цина по плечу.

Чу Цин покачал головой, ничего не сказав.

Ван Шивэй усмехнулся, повернулся к сцене, и его лицо вдруг побелело.

Чёрт, когда камеры заняли позиции?

Неужели записали их только что произнесённый разговор?

Ван Шивэй толкнул Чу Цина локтем:

— Эй... Запись уже началась?

— Вроде нет, разве не сказали, что прямой эфир начнётся, когда ведущий выйдет на сцену?

— А...

На самом деле участники не знали, что из-за различий в передаче указаний, да и дело-то несерьёзное, к тому же мало кто из идиотов будет болтать всякое перед камерами, трансляция в прямом эфире была открыта заранее.

Поэтому диалог двух железных болванов, Чу Цина и Ван Шивэя, хотя и был записан не очень чётко, всё же успешно взорвал эфир.

[XXX: Ха-ха-ха-ха-ха, я так и знал! Я так и знал! Тяжело учителю Чу, онлайн делаю для учителя Чу заклинание, чтоб подлизы отстали!!]

[XXX: Чу Цин тоже слишком противный, да? Это специально, зная, что есть камеры, оклеветал нашего Суй-гэ! Мд, тот, кто пролез в постель, с какой это рожи говорит, что другие пристают, разве не он сам своим местом пристал к члену, чтобы получить сегодняшнее внимание?]

[XXX: Эй, наверху, придержи язык, твоя мама тоже своим местом пристала к члену твоего отца, чтобы получился ты, этот недоразвитый эмбрион. Так трудно признать, что твой Суй — подлиза и пустозвон?]

[XXX: Фанаты топовых звёзд всегда такие, кусаются везде, привыкай.]

[XXX: ??? Извините? Фанаты Цзяо Чансюя не представляют всех топовых звёзд, ок? Мы не берём на себя вину, другие топовые звёзды не лижут к людям, как Цзяо Чансюй, лижут до того, что другим уже тошно, ц-ц, впервые вижу, как Цзяо Чансюя отгоняют, как собаку, умираю со смеху.]

Фанаты Цзяо Чансюя взбесились, но факты налицо, оставалось только молча проглотить обиду.

В прямом эфире царил хаос, а у Чу Цина здесь царили мир и покой, он вместе с Ван Шивэем и Ань Ицзэ пил горячую воду.

Хо Ли принёс Чу Цину чашку горячей воды и дополнительно две для его друзей рядом, вероятно, из-за вчерашнего происшествия беспокоился, что Чу Цин поймёт неправильно, поэтому действовал личным примером.

После этого соревнование наконец началось.

Ключевое слово, которое вытянул Ван Шивэй, было всего одно — «Долг», что вполне соответствовало его крупной фигуре, он прямо исполнил песню в древнем стиле о истории великого генерала, было довольно изысканно.

Ань Ицзэ вытянул «Бывший». Ань Ицзэ написал дурацкую, ругательную песенку о бывшем, отклик тоже был неплохой.

«Ожидание» Цзяо Чансюя было наполнено надеждами, словно принц, ожидающий прихода любви и своей принцессы, заставило бесчисленных фанатов испытать взрыв девичьих чувств.

После этого наконец дошла очередь до Чу Цина. Чу Цин глубоко вдохнул и поднялся на сцену.

В центре сцены стояло пианино, на пианино была куча опавших листьев.

Действия Чу Цина, одетого во фрак, от подъёма на сцену до того, как он сел перед пианино, были элегантными и возвышенными, многие присутствующие затаили дыхание.

Затем Чу Цин начал.

...

Я жду, я уже привык ждать тебя,

Жду и жду, ты проходишь мимо в моих песочных часах...

Я жду и жду,

С лета дождался зимы, от высохших шагов замерзли слёзы в глазах...

...

Звук пианино был чистым и нежным, пение тоже по-прежнему нежным.

Нет, или даже слишком нежным.

Настолько нежным, что в нём родилась какая-то грусть.

Участники на месте никогда не слышали такой... унылой мелодии, без всяких взлётов и падений, словно повторяющиеся удары по какому-то барабану, повторяющееся нажатие одной клавиши пианино, монотонно и скучно.

Но от неё становилось очень-очень печально, как одинокий сухой стебель, растущий на пустыре.

Спев первый куплет, Чу Цин внезапно встал.

Звук пианино резко оборвался, ему на смену пришли скрипач и оркестр сзади.

Чу Цин прямо на сцене начал танцевать парный танец в одиночку.

Чу Цин обнимал воздух, держа в объятиях пустоту, танцевал вальс, кружился, делал шаги, чёрные сапоги стучали по сцене, погружённый в свой собственный мир ожидания, черты лица мягкие.

Движения были не идеальными, но от этого становились ещё прекраснее.

Внизу Ван Шивэй хлопнул Ань Ицзэ по плечу, прошептал:

— Чёрт, у меня мурашки по коже.

Ань Ицзэ тоже смотрел на Чу Цина ошеломлённо, прикрыл лицо и украдкой сказал Ван Шивэю:

— Если бы не несоответствие аппаратной части, я бы в него влюбился.

Ван Шивэй...

Кажется, узнал что-то невероятное.

Цзяо Чанской с другой стороны, как и сказал Ань Ицзэ, смотрел во все глаза.

Какой красивый...

Действительно, слишком красивый.

Внешность Чу Цина не была потрясающей или ослепительной, просто симпатичная, обычно характер сдержанный и скромный, его легко было потерять в толпе.

Но когда Чу Цин пел или играл, он сиял.

...

Я жду и жду, я всё время жду

Я здесь стою на страже

Ты вернёшься?

...

Последняя строчка текста вдруг стала очень простой, словно разговор.

Затем Чу Цин остановился, замер на сцене, закончив тот танец.

...

Когда вся композиция закончилась, все даже не сразу пришли в себя.

Через мгновение аплодисменты почти затопили Чу Цина, несколько эмоциональных сотрудников и участников даже заплакали.

Хо Ли стоял в стороне, среди толпы таких же одетых в чёрное сотрудников не выделялся.

Только другой ассистент, стоявший рядом с ним, заметил, что глаза Хо Ли, спрятанные под кепкой, слегка покраснели.

...

Он бесчисленное количество раз видел сны.

Во сне Чу Цин лежал в гробу, с закрытыми глазами, всегда с тем же мягким и отстранённым выражением.

Словно чего-то ждал.

Чем дольше он общался с Чу Цином, тем глубже становился тот сон.

С другой стороны, Чу Цин, спустившись со сцены, почувствовал лишь облегчение.

Он наконец-то успешно завершил то, что хотел выразить.

После этого соревнование продолжилось, и только к вечеру начали подсчитывать голоса, планируя объявить их менее официальным и строгим способом во время традиционного ужина участников в Доме Ангелов.

Раньше всегда голосовали зрители на месте, но теперь, когда все приехали в горный район, зрителей не было, поэтому использовали механизм онлайн-голосования зрителей.

С наступлением ночи участники вовремя прибыли в Дом Ангелов.

— Хорошо... тогда давайте сначала объявим результаты голосования, — ведущий улыбнулся. — Если не объявить, думаю, наши присутствующие ребята тоже не смогут нормально поесть.

Ведущий объявлял с последнего места, постепенно поднимаясь вверх.

Объявив пятое место, ведущий сделал паузу и сказал:

— Это место, которое довольно неожиданно.

Участники несколько озадачились.

Неожиданно?

Неужели кто-то совершил прорыв или, наоборот, откатился назад?

— Пятое место... Чу Цин. Учитель Чу.

...

...

??????

Участники притихли, ведущий украдкой наблюдал за выражением лица Чу Цином.

Весь Дом Ангелов погрузился в тишину.

Прямой эфир тоже был шокирован.

[XXX: Извините??? Люди, голосовавшие, голосовали своими гонконгскими ногами?? Вы оглохли? Оглохли? Как мой учитель Чу может быть пятым!! И его ещё обошли двое его учеников и тот подлиза?? А???)

[XXX: Эм... но, если честно, в этот раз я действительно не понял, что он пел.]

[XXX: Ц-ц, действительно не понял, песня Сюй-гэ — явная любовная, а учитель Чу словно бормотал заклинание, от музыки меня чуть не усыпило!]

[XXX: Как же бесит!! Неужели фанаты Цзяо-подлизы накрутили голоса численностью?? Это голосование вообще надёжное?!!]

[XXX: Не сваливайте вину, ладно? Учитель Чу действительно спел плохо, ок? Танец красивый, но это соревнование сравнивает голос и способность к творчеству, а не внешность.]

[XXX: Угу, я тоже не понял, что пел Чу Цин, да и мелодия какая-то странная, неприятная.]

Фанаты Цзяо Чансюя так задрали хвосты от гордости, что непрерывно расхваливали песню Цзяо Чансюя.

А сам заинтересованный, Чу Цин, сделал паузу, посмотрел вокруг и сказал:

— ...Пятое место, разве это плохо?

Это же не последнее место?

— Хорошо, всё хорошо, место тоже не самое важное, важно то, что учитель Чу сам чувствует, что совершил прорыв, — ведущий улыбался, протягивая Чу Цину маленькую медальку с написанной цифрой «пять».

— Поздравляем учителя Чу...

Затем объявляли по порядку. Ань Ицзэ и Ван Шивэй, которых консультировал Чу Цин, заняли места выше него, а первое место занял Цзяо Чансюй, в этой песне проявивший мужскую силу.

Чу Цин не чувствовал ни капли недовольства, даже был рад.

Ему казалось, что можно гордиться, раньше места Ань Ицзэ и Ван Шивэя были не очень хорошими, но теперь, с его помощью, стали лучше.

Не то чтобы он зазнался, просто Чу Цин чувствовал, что его польза велика, и невольно начал гордиться.

<http://bllate.org/book/15588/1395575>